

Из истории техники

А. Н. МЕДВЕДЬ

«НОВОХИТРЕННЫЯ МУДРЕЦЫ» И «ХИТРОСТЬ»: ОБРАЗ ИНЖЕНЕРА В ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XV-XVI вв.

Статья посвящена описанию в исторических источниках деятельности иностранных и русских инженеров в Московском княжестве и государстве в XV-XVI вв. Подчеркивается, что при положительном отношении к последним авторов этих описаний, в русской книжности прослеживается отстраненное отношение к техническому знанию вообще. Отмечено, что часто иностранные инженеры выступают как символы, которые русские летописцы трактуют в библейском контексте. Обсуждается вопрос о необходимости включения в круг интересов историков техники изучения отношения общества к точному знанию и его носителям в упомянутый исторический период.

Ключевые слова: история техники, Московское государство, инженерное дело, «хитрецы», А. Фиорованти.

История изучения древнерусского технического знания насчитывает уже не одно десятилетие. За это время накоплено большое количество материала, однако его обобщение, беспристрастный и трезвый анализ пока еще ждет своего часа. Довольно большое количество книг, вышедших в 1940-е гг. и посвященных истории знаний Древней Руси и, в частности, древнерусской техники, по большому счету стали бодрими описаниями достижений с главной идеей – отстаивание приоритетов русских мастеров в различных сферах техники¹. Описательность в ущерб глубокому анализу привели к тому, что такое направление, как история древнерусской техники, фактически ушло из сферы деятельности историков техники, став частью археологии. Во второй половине 1950-х гг. история отечественной техники в целом стала подвергаться серьезной ревизии в связи со смертью «лучшего друга всех историков». Например, в 1957 г. появилась статья историка и археолога Н. Н. Воронина, в которой он подверг жесточайшей критике работы некоторых историков тех

¹ См., например: Райнов Т. И. Наука в России XI-XVII веков. М.; Л., 1940; Данилевский В. В. Русская техника. М.; Л., 1947; Фальковский Н. И. Москва в истории техники. М., 1950. Особняком в этом ряду стоит книга Б. А. Рыбакова «Ремесло Древней Руси» (М., 1948). По уровню изложения материала эта книга не идет ни в какое сравнение с книгами Данилевского и Фальковского – «Ремесло Древней Руси» отличает обилие известного на тот момент археологического материала и опыт автора в его систематизации и интерпретации. Конечно, это произведение также оказалось не свободным от идеологических установок конца 1940-х гг. Кроме того, автор рассмотрел в основном материал до XV в. и сознательно ограничил поле исследования предметами ремесленного производства.

© А. Н. Медведь. ВИЕТ. 2013. № 1. С. 67-76.

3*

ники, выполненные в традиционной некритичной и поверхностной манере². Кроме того, бурное развитие археологии, изучение древнерусских городов заставило несколько иначе посмотреть на древнерусскую технику.

В результате история последней оказалась более всего раскрыта в трудах археологов. Несомненным лидером в этом отношении стала Новгородская экспедиция. Специфические особенности новгородского грунта, позволявшие сохраняться даже самым мелким деревянным деталям, но более всего наличие среди археологов людей, имевших техническое образование (как, например, Б. А. Колчин) и сумевших «заразить» своими знаниями молодых гуманитариев, привели к мощному прорыву в деле сбора и обобщения новой информации о технике Древней Руси. Ныне именно археологи и историки архитектуры являются наиболее компетентными специалистами по отдельным направлениям истории древнерусской техники.

Однако целостной картины развития древнерусской техники, ее места в древнерусском обществе создать пока не удалось. Отчасти это связано с отсутствием новых объектов для изучения, отчасти с ограниченной методологической установкой – изучать лишь технические памятники,

оставшиеся от древнерусского периода ³, либо техническую документацию этого же времени. И того, и другого осталось крайне мало.

Возможно, одним из выходов из этого методологического тупика может быть расширение поля деятельности историка, выделение в историко-технических исследованиях культурологического аспекта, вследствие чего внимание исследователей обращалось бы на изучение феномена отношения к научному и техническому знанию в древнерусском обществе. Подобные сюжеты в отечественной литературе почти не изучались ⁴.

Справедливости ради заметим, что такой подход имеет вполне объективные причины – в древнерусских письменных источниках технические новинки и техника рассматриваются, а тем более анализируются крайне редко. До XV в. они, равно как и их создатели (исключительно иностранцы) почти не упоминаются на страницах летописей и литературных памятников. Тем не менее с появлением в русских землях отдельных технических диковинок (прежде всего часов), с началом выездов за рубеж русских людей (в частности, на Флорентийский собор в 1436 г.) западноевропейская техническая культура постепенно занимает свою небольшую нишу на страницах русских литературных

² Воронин Н. Н. О некоторых работах по истории древнерусской техники // Советская археология. 1957. № 1. С. 284–288.

³ В подобном ключе выдержаны работы: Мелехов В. И., Шаповалова Л. Г. Ретроспективный взгляд на плотницкий инструмент // ВИЕТ. 2004. № 2. С. 95–110; Широкова В. А. Соляные промыслы России // ВИЕТ. 2005. № 3. С. 47–56. В 2002 г. в ИИЕТ РАН защищена докторская диссертация А. В. Титенка «Развитие механизации сельского хозяйства в России».

⁴ Пожалуй, единственным автором, кто пытался применить подобный подход к исследованиям древнерусского знания и техники, является В. К. Кузаков, см.: Кузаков В. К. Очерки развития естественно-научных и технических представлений на Руси в X–XVII вв. М., 1976. Основные проблемы изучения истории древнерусского знания и техники были сформулированы им в работе: Кузаков В. К. Особенности науки и техники средневековой Руси // Естественно-научные представления Древней Руси / Сост. Р. А. Симонов, отв. ред. А. Н. Боголюбов. М., 1978. С. 11–28. Большинство из обозначенных автором проблем по-прежнему далеки от разрешения.

памятников. Ну а работа иностранных инженеров, приглашенных в Москву во второй половине XV в., еще больше обостряет интерес русских книжников к теме технических новаций. Но как проявлялся этот интерес? Как трактовались русскими книжниками иностранные инженеры и их деятельность?

Надо заметить, что крайне редко русские книжники выходили за пределы простого описания построек, машин и механизмов. Однако там, где писатель не ограничивался просто перечислением этого, можно почерпнуть много интересного. Например, в 1470-е гг. в поле зрения летописцев попадают работы Аристотеля Фиораванти. Наиболее полно его работа описывается в так называемом Независимом летописном своде. Этот письменный памятник, фактически реконструированный исследователями XX в., имеет в своей основе Львовскую и Софийскую II летописи. Начало его создания относится к 1480-м гг. Интересующие нас фрагменты, очевидно, относятся к 1480-м гг. Важно, что здесь, возможно, мы впервые встречаемся с оценкой летописцем технических нововведений итальянского архитектора и инженера, причем оценка эта базируется на личном восприятии летописцем виденных им работ Аристотеля.

Летописец не ограничивается простой фиксацией отдельных этапов стройки, он превращает этот производственный процесс в поучительный сюжет, сюжет многослойный, наделенный множеством смыслов. Прежде всего, этот сюжет интересен тем, что в нем мы встречаемся со сравнением «своего» и «чужого» в сфере технологии, но при этом «чужое» воспринимается автором положительно, тогда как «свое» – скорее отрицательно.

История строительства нового Успенского собора началась, как известно, с разрушения более ранней церкви, построенной еще во времена митрополита Московского Алексея. Начинают эти работы московские строители Кривцов и Мышкин, но это начало летописцем не воспринимается как начало благого дела.

Вот московский митрополит Филипп наложил «тягу великую» на церкви и монастыри, для того чтобы собрать деньги на строительство храма. Вот русские строители ломают старую церковь – ломают грубо, не вынося мощей бывших

московских митрополитов, похороненных в древнем храме: известка и штукатурка падает на гроб митрополита Петра: «Делатели бо, делающее, поверх его ходят, а что ни есть отесков каменных, тьи все на гроб тый падаше»⁵.

Это одна («моральная») сторона истории. Параллельно летописец обращает внимание на технические недоработки – «неклеевитую» известь, грубую кладку стен (русские строители выкладывали стены собора как обычно – внешняя и внутренняя сторона стены были гладкими, между ними велась грубая забутовка из битого камня). Это уже «техническая» сторона сюжета. Летописец постоянно намекает на то, что строители делают что-то не то как с точки зрения морали, так и с точки зрения техники, он исподволь подготавливает читателя к плачевному концу этой стройки.

⁵ Библиотека литературы Древней Руси. В 20 т. / Ред. Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев, А. А. Алексеев, Н. В. Поньрко. СПб., 1999. Т. 7. С. 418.

И вот летописец подводит читателя к главному – катастрофе. В мае 1474 г. недостроенный собор рухнул. Главный русский храм теперь строит «чужой» – Аристотель Фиораванти. Все в этой стройке удивительно и странно для русского человека. Начиная от разборки рухнувшего храма, предшествовавшего аристотелевой стройке, и заканчивая организацией строительства нового Успенского собора.

Книжник, описывавший все этапы стройки, постоянно со сдержанным уважением упоминает Аристотеля. Это довольно странно, учитывая подозрительное отношение к иностранцам со стороны русской ученой публики. Чаще всего положительное отношение книжника к аристотелевым нововведениям отчасти объясняется тем, что летописец, видимо, относился к стану великого князя Ивана Васильевича, а постройка Успенского собора стала символом преодоления великим князем давления московского митрополита Филиппа. Известно, что последний пытался сыграть роль Сергия Радонежского, когда-то имевшего влияние на московского великого князя Дмитрия Ивановича. Инициатива постройки нового Успенского собора принадлежала именно Филиппу, именно он руководил его закладкой, определял размеры. Иначе говоря, стройка должна была стать своеобразной пиар-акцией, которая подчеркивала власть митрополита Московского. Смерть Филиппа и обрушение недостроенного собора позволили великому князю Ивану Васильевичу перехватить инициативу – теперь уже собор строится тщанием князя, теперь уже стройкой руководил мастер, приглашенный великим князем.

Однако это лишь видимая часть этой истории. Положительное отношение летописца к итальянскому строителю зиждется не только на близости писателя к стану великого князя. Например, таран, построенный Аристотелем для разбивки оставшихся стен недостроенного собора, автор летописи сравнил с тараном, которым император Тит Веспасиан разрушил Иерусалим. Сведения об этом летописец мог почерпнуть из «Иудейских войн» И. Флавия. Случайно ли такое сравнение? Подумаем над этим.

Тит – неверный, язычник. Иерусалим – священный город. Казалось бы, все симпатии русских книжников должны быть на стороне Иерусалима. Но штурмовал Тит город, который пал из-за отступничества своих граждан. Тит в данном случае выступал как Божье орудие. Более того, в некоторых русских литературных памятниках фигура Тита преподносилась в благожелательном тоне. Например, автор жития Александра Невского сравнивал русского князя с Веспасианом («храбрость же его – как у царя римского Веспасиана, который покорил всю землю Иудейскую»⁶). Аристотель не был православным, он являлся «фрягом», следовательно, явно чуждым элементом (как Веспасиан для иудеев). Далее, он должен был разрушить православный собор. Да, собор еще не был достроен, но начало его строительства было освящено митрополитом Филиппом и, следовательно, он уже занял какое-то место в Русской православной церкви. Однако теперь он разрушается иностранцем. Правда, не по Божьему велению, но с одобрения князя. С другой стороны, недостроенный собор разрушился во многом от того, что в свое время предыдущие строители прогневили Бога и московских святых, значит, он должен быть разрушен

⁶ Библиотека литературы Древней Руси... 1997. Т. 5. С. 359.

как когда-то стены Иерусалима. Для книжников, которые привыкли мыслить символами, этот сюжет оказался просто находкой. Аристотель – чужой, разрушивший останки православного собора. Но он не осуждаем. Во-первых, он действует от имени князя, во-вторых, он окончательно разрушает собор, рухнувший во многом из-за небрежения мощами московских митрополитов. Он и его «баран» (а также хитроумный способ разрушения стен при помощи поджога подставленных под стену поленьев) – орудие Божьей и властной воли, орудие, перед которым надо смириться. Поэтому летописцу пришлось лишь записать, что «...чудно стены видети, иже три годы делали, в едину неделю и меньше развали, еже не поспеваху износити камня»

⁷.

Еще один раз иностранные специалисты сравниваются с героями Писания уже через много лет. При взятии Казани в 1552 г. наиболее сложная работа по организации подрыва стены Казанского кремля легла на плечи иностранных («фряжских») специалистов. Она нашла достойное отражение в так называемой «Казанской истории». Правда, здесь есть одно важное замечание – новгородский священник Иоанн Глазатый, предположительный автор «Казанской истории», в отличие от автора Независимого летописного свода не был прямым свидетелем событий, происходивших в стане русского войска. Попавший в 1530-е гг. в татарский плен, в момент осады Казани он находился в самом осажденном городе и о перипетиях подготовки этой осады узнал лишь после захвата города русскими войсками. Но такая публицистическая направленность этого текста, отмечаемая многими исследователями, для нашей темы скорее плюс.

Автор «Казанской истории» пытается рассматривать деятельность иностранцев в таком же ключе, как и автор Независимого свода. Но если в сюжете об Аристотеле Фиорованти можно лишь говорить о намеке на его сравнение с Веспасианом, то в «Казанской истории» фряжские специалисты, служащие Ивану Грозному, уже прямо сравниваются с ангелами, пришедшими на помощь Иисусу Навину:

И се внезапно тогда посла Богъ ко царю самодержцу, яко аггела своего ко Иисусу Навину разорити стены Ерохонския, Мангитомъ утвержденныя, тако и zde приведе новохитренныя мудрецы, Фряги иноземцы, служити ему... ⁸

Далее идет описание встречи царя с приглашенными инженерами («честными мужами», «взором добры»), которые «падшее поклонишася до земля». Царь описывает им трудность взятия казанской крепости, после чего получает такой ответ:

Не печалуй, господи царю, мы скоро [...] аще волю подаси мне (курсив мой. – А. М.), ото основания низложим град, и наше есть дело сие, и на том приидохом, еже послужити Богу и тебе ⁹.

⁷ Там же. С. 426. ⁸ Полное собрание русских летописей. В 43 т. / Ред. Г. З. Кунцевич. М., 2000. Т. 19. С. 138. ⁹ Там же.

Далее следует подробнейшее описание технических средств, придуманных фрягами, – крепостные стационарные башни, передвижные башни, технологии проведения подкопных работ («преже того нихто же на Руси видаль») и т. п. Из этого описания вообще складывается ощущение, что если бы не фряжская «хитрость», то Казань не смогла бы пасть так быстро. Но тем не менее в представлении русского автора инженеры – не более чем слуги более важной персоны. Их деятельность важна, но она является лишь реализацией воли более высшего существа – царя. Выше него только Бог. Соответственно, и отношение к техническим новациям со стороны русских людей – мы, православные, выше этой хитрости, пусть она служит нам!

Интересно сравнить «Казанскую историю» с Царственной книгой (частью Лицевого летописного свода XVI в.), где сюжет взятия Казани описан максимально подробно. В Царственной книге упоминается лишь один иностранец-инженер в русском войске (Размысл) и русский дьяк Выродков. Оба они упоминаются вскользь, без всякой оценки, разве что Размысл именуется в Царственной книге как человек, что «хитер навыче градскому разорению» ¹⁰.

Размысл почти никак не выделяется среди слуг государя, единственная любопытная деталь, которую отметил источник, – боярин Алексей Адашев и Размысл должны были организовать подкоп под тайник, откуда казанцы брали воду, но при этом царь приказал Размыслу самому не участвовать в сооружении подкопа, оставив это дело ученикам, «а самому большего дела беречи»¹¹. Дьяк Выродков упоминается несколько раз и так же как исполнитель приказов царя. Позже, когда речь заходит непосредственно об осаде Казани, Царственная книга при всей своей подробности упоминает лишь о воеводах, которые руководили установкой инженерных сооружений.

Конечно, и Царственная книга не лишена литературности – там присутствуют и сообщения о явлениях святых, содержатся даже чуть ли не дословные диалоги героев событий, великолепные по своей сочности описания событий, однако основная ее черта – максимально точное изложение последовательности событий. В основном это касается действий и приказов царя и боевых действий воевод. Все подготовительные работы и связанная с ними деятельность инженеров подаются во вполне византийской манере – все получается как-то само собой, а точнее, по воле царя. Собственно, главная цель Царственной книги как раз и заключалась в том, чтобы показать личность Ивана IV, его неустанную борьбу с врагами, внешними и внутренними.

Совсем иначе деятельность инженеров подана в «Казанской истории», однако цель этого произведения примерно такая же – некоторое выпячивание роли иностранцев при осаде Казани в «Казанской истории» должно было служить лишним подтверждением исключительности русской царской власти. При этом в полном соответствии с византийской традицией «фряги» безмянны и служат лишь фоном, на котором ореол царской власти сияет еще ярче.

Обратим здесь внимание и на определение, данное автором «Казанской истории» фряжским инженерам, – «новохитренные мудрецы». Хитрость, а точ

¹⁰ Подлинная о казанском походе запись Царственной книги 1552 года и сказание князя Курбского о покорении Казани / Ред., примеч. и план В. Афанасьева. М., 1902. С. 76.

¹¹ Там же.

нее, «новая хитрость» (т. е. ранее неизвестная наука?), оценивается автором положительно. Не случайно люди, обладающие такой хитростью, называются мудрецами.

Невольно на память приходит другой пример, весьма схожий в деталях с примером казанским. Дело в том, что русские все-таки были знакомы с тактикой тайного подкапывания под крепостные стены – впервые они встретились с этой технологией во время одного из боев с литовцами под Дорогобужем в 1535 г.:

А з города воевода князь Федор Овчина против велел стреляти ис пушек же и ис пищалей, и билися с ними з города [...] А того лукавства подкапывания не познали, что наперед того в наших странах не бывало подкапывания. Воеводы же литовския, обступив град, да стали за турами блиско города, да и подкопалися, и город зажгли¹².

Как мы видим, более совершенную технологию ведения боя противником летописец называет лукавством. «Лукавство» (в отличие от «хитрости») чаще всего носило в русском языке отрицательный оттенок, и летописец тут воспринимает использование неизвестной доселе технологии как обман, как нечестный способ ведения войны. Из этого сравнения очевидно, что «хитрость» фрягов – это не «лукавство» литовцев. «Хитрость», не будучи категорией нравственной, богословской, тем не менее может относиться к категории положительной человеческой черты, человеческого ума. «Хитрость» может быть мудрой. Именно мудростью московский летописец охарактеризовал работу строителей («хитрецов») под руководством итальянца Петра Малого, создававших древо-земляной город в Москве (предшественник каменного Китай-города): «...и устройша хитрецы велми мудро (курсив мой. – А. М.) [...] исплетяху тонкий лес около болшого древня и внутрь насыпаху землю и велми крепко утвержаху»¹³. Итак, даже по этим небольшим фрагментам видно, что отношение древнерусских писателей к иностранцам-инженерам было весьма

положительным, однако значение работ этих людей оценивалось не слишком высоко.

Однако имело ли такое отношение продолжение? Неизбежен и другой, связанный с этим, вопрос – почему внедрение технических новаций в Русском государстве на протяжении многих десятилетий оставалось уделом иностранцев? Почему спустя почти 30 лет под Казанью оказывается, что, даже имея представление о подкапывании, русские все равно были вынуждены приглашать для этого иностранных специалистов? Причем нигде мы не находим даже мысли о том, что русские воины пытались изучить работу иностранных инженеров! Чем можно объяснить такую техническую неповоротливость?

И здесь мы подходим к еще одному аспекту – мировоззрению древнерусского обывателя. Наверное, главный вопрос, который русский человек мог задать себе, глядя на зарубежные диковинки, – зачем? Зачем, например, было строить фонтаны, если в городе есть река или ручей, откуда воду можно

¹² Полное собрание русских летописей... 1978. Т. 34. С. 170. ¹³ Полное собрание русских летописей... 1929. Т. 4. Ч. 1. Вып. 3. С. 566–567.

черпать ведрами? Так было принято нашими предками, так будет и сейчас. Зачем ставить часы, если и так ясно, когда будет церковная служба, корова сама «скажет», когда ее надо доить? Средневековые русские города с их жизненным устроением, близким к сельскому, едва ли нуждались в технических новациях, – например, известен случай, когда в первой половине XV в. псковичи отказались ставить в своем городе подаренные им механические часы ¹⁴. Сами же технические объекты зачастую воспринимались как диковинки, подчеркивающие престиж города (часы, огромные колокола, соборы и пр.). Любопытно, что у русских мастеров существовало нечто похожее на подъемный кран, который использовали для поднятия дерна на крыши домов: в истории с постройкой Успенского собора летописец упоминает название этого крана – «белка». Однако довести это устройство до грузоподъемности крана Аристотеля русские не смогли (или не захотели?). Итак, технические новации зарубежных специалистов вызвали у русских большой интерес, однако все это воспринималось как что-то интересное, но совершенно невозможное на родине, на Руси.

С мировоззрением связана и еще одна проблема – технические новации возможны лишь при определенном уровне образования. В наших же случаях присутствие иностранных инженеров в русских землях не было постоянным, тем более не шла речь об обучении русских людей инженерным премудростям.

С другой стороны, быть технически образованным в древнерусском обществе не было престижно. Гораздо престижнее было быть смелым воином, удачливым купцом. Книжники также ценились (правда, в своем узком кругу), причем в основном темы их «исследований» были богословско-этическими. Работа с техникой была уделом мастеров, находившихся на ином социальном уровне. Работа строителя, проектировщика не слишком ценилась – достаточно обратить внимание на тот факт, что в летописях крайне редки упоминания о строителях храмовых комплексов, крепостей и прочих сооружений.

Уже в ранних письменных памятниках Древней Руси прослеживается отношение к «технической интеллигенции» как к чему-то второстепенному. Киево-Печерский патерик, например, иногда упоминает о строителях, работавших в монастыре. Первый случай относится к строителям-грекам, которые пришли в Киев по просьбе самой Богородицы, снабженные золотом на три года с заданием построить недалеко от киевских пещер храм во имя Богородицы. Несмотря на то что описание греков носит в патерике довольно сочувственный характер, все равно строители выступают лишь как слуги старца Антония, который, в свою очередь, исполнял Божественную волю.

В житии Кирилла Белозерского упоминается эпизод о построении в монастыре церкви Богородицы. Монахи не могли сами построить церковь, но по молитве святого Кирилла невесть откуда взялись плотники и сделали это. Из подобных описаний складывается ощущение, что труд строителей воспринимался книжниками как нечто вторичное, не заслуживающее серьезного внимания.

¹⁴ См. об этом подробнее: Медведь А. Н. Время и его восприятие на Руси в XV веке // Историческая психология и социология истории. 2012. № 1. С. 129-135.

Новгород и Псков, кажется, являются известными исключениями. На страницах летописей этих городов иногда встречаются имена мастеров, создававших храмы и сооружения. Редко, но происходили даже случаи, когда главный строитель-мастер пытался увековечить свое имя, возводя, например, церковь в честь своего небесного патрона. Такой случай был в Пскове в XV в., когда мастер Карп возглавил строительство церкви во имя Св. Карпа. Впрочем, большинство зодчих городов-республик все равно безымянны и анонимны.

Даже если строители поименованы, то их деятельность иногда носит оттенок негатива. Например, церковный писатель, составитель жития Михаила Клопского упоминает трех мастеров (Александра, Ивана и Елисея), которые в начале XV в. подрядились строить церковь Св. Троицы в Клопском монастыре. Как только закончился камень, а погода не способствовала его транспортировке, мастера решили уйти («И мастера хотели прочь побежать»)¹⁵. Главный же заказчик, князь Константин Дмитриевич, ничего не смог им возразить, а только «почал скорбети, что церковь не свершена». В данном случае праведная скорбь князя противопоставлена мирской суете мастеров, готовых бросить богоугодное дело. В памятнике середины XVI в. – «Послании» протопопа Сильвестра к сыну Анфиму (добавлении к «Домострою») – также видно несколько презрительное отношение к ремесленникам вообще и к строителям в частности:

А видел ты сам, в ремеслах во многих разных дел мастеров много бывало всяких: иконники, переписчики книг, серебряные мастера, кузнецы и плотники, и каменщики разные, и кирпичники, и строители крепостей, и всякие мастера; деньги даны им на ремесло наперед по рублю и по два, и по три, и по пяти, и по десяти, и больше; хоть многие были мошенниками и бражниками, но со всеми теми мастерами за сорок лет, дал Бог, обошлись без [...] всякой кручины...¹⁶

Добавим сюда и отрицательное отношение летописца Независимого свода к первым, русским, строителям Успенского собора.

Гораздо чаще на страницах древнерусских литературных произведений упоминаются заказчики и спонсоры сооружений (именно эти люди чаще всего называются «строителями»). Настоящие строители как правило безымянны, их труд нужен, но не важен. Парадокс? Нет. Нужность понятие сиюминутное, важность связана с будущим. Иначе говоря, результат стройки был важнее ее процесса, поэтому реальный построенный храм прочно связывался не с его строителями, а с заказчиками. Это касается не только строительства, но и, например, гидротехнических работ. Часто в русских источниках авторами этих работ называются должностные лица, т. е. совершенно не связанные с инженерной деятельностью люди. Реальные производители работ на страницах источников отсутствуют, иногда лишь упоминаются в отчетной финансовой документации. «Древнерусские инженеры» находились на весьма низкой ступени общественной лестницы.

¹⁵ Библиотека литературы Древней Руси... 1999. Т. 7. С. 222. ¹⁶ Домострой. СПб., 2007. С. 267.

В чем-то это повторяет византийскую парадигму, которая предпочитала говорить о «строителях» применительно к заказчикам инженерных проектов. Американский исследователь Р. Оустерхаут в своей книге¹⁷ главу, посвященную специалистам-строителям, остроумно назвал так: «Архитекторневидимка и его заказчик». Это название в полной мере отразило ситуацию с местом архитектора (строителя) в средневековом византийском обществе и отношение к нему со стороны привилегированного слоя – строитель есть, но его фигура на страницах источников не появляется, уступая место фигуре богатого и знатного заказчика.

В Древней Руси мы наблюдаем нечто подобное. Соответственно и отношение к иностранным инженерам – они нужны только тогда, когда нужны. В этой связи показательна судьба Аристотеля Фиораванти – человек, построивший главный русский собор, научивший русских лить качественные пушки, впоследствии был унижен и низведен до уровня врага великого князя московского, у него было конфисковано все имущество, а сам он был посажен

под арест. А все из-за того, что Фиораванти лишь попросил Ивана III разрешить ему вернуться в Италию (правда, позже он вновь обрел доверие великого князя и был назначен начальником московской артиллерии в Тверском походе 1485 г.). Не менее драматична судьба и Петра Малого (Фрязина) – строителя Китайгородской стены, Зарайского кремля, крепости в Себеже и, возможно, еще ряда объектов, вошедших ныне в списки памятников истории и культуры России. Его попытка бегства из Московского государства в 1539 г. не была связана с бедностью, его больше тяготило положение бесправного слуги при великокняжеском дворе, где его держали силой¹⁸.

Завершая этот краткий очерк, подведем некоторые итоги. Как обычно, описания представителей чужой культуры интересны прежде всего оценкой самого себя. В случае в древнерусскими источниками рассказы об иностранных инженерах могут еще помочь и в понимании главного вопроса – почему Московское государство, а впоследствии и Российская империя вплоть до XX в. по части технических достижений находились в положении догоняющего. На наш взгляд кроме организационно-политических причин такое отставание имело еще и мировоззренческую составляющую – в представлениях образованных людей Древней Руси технические «хитрости» не имели серьезного значения и занимали в шкале ценностей гораздо более низкую ступень, чем знание богословское, книжное.

¹⁷ Оустерхаут Р. Византийские строители. М., 2005.

¹⁸ При допросе пойманный на границе Фрязин объяснил, что нанимался к великому князю Василию Ивановичу на «годы три или четыре, а служил [...] великому князю одиннадцать лет, а держал его великий князь силою» (Отрывок розыскного дела о побеге за границу Петра Фрязина // Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1841. Т. 1. С. 203). По словам Петра, после смерти великого князя Василия, ситуация стала еще хуже – «а государь нынешний мал остался, а бояре живут по своей воле, а от них великое насилие, а управы в земле никому нет, а промеж бояр великая рознь, того дея есми мыслил отъехать прочь, что в земле в Русской великая мятеж и безгосударство» (там же).